
КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

А.Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аяюшка). М. Рукописные памятники Древней Руси, 2008, 368 с.

Изданный пятьдесят лет назад в 1958 г. трехтомный “Russisches etymologisches Wörterbuch” М.Р. Фасмера в русском переводе О.Н. Трубачева продолжает служить надежным справочником и в XXI в., хотя сам автор в “Послесловии” считал, что вышедшая после 1949 г. литература в нем учтена далеко не полностью. Этот недостаток в некоторой степени преодолен дополнениями переводчика в русском издании 1964–1973 гг., но более поздние разыскания остаются некаталогизированными, хотя их накопилось немало. Отдельные небольшие дополнения были привнесены О.Н. Трубачевым и во второе издание русского перевода 1986–1987 гг. в послесловиях к отдельным томам, но более поздняя литература не учтена никак.

Остались неизвестными результаты попытки В.Р. Кипарского (1904–1983) подготовить дополнения к словарю М.Р. Фасмера.

Сейчас созданы благоприятные условия для устранения и другого отмеченного самим М. Фасмером минуса – слабой оснащенности словарных статей историческими фактами из письменных источников и частого отсутствия датировок. Выходящие сейчас исторические словари русского языка XI–XIV, XI–XVII и XVIII вв. вместе с региональными материалами позволяют сейчас преодолеть и этот недостаток.

Особое внимание А.Е. Аникина к исторической и диалектной лексике получило убедительное обоснование в весьма содержательном теоретическом “Введении” к изданию, где также говорится о месте начатого словаря в кругу русских этимологических словарей.

Весьма важное подспорье для успешной этимологической обработки русской лексики было создано появлением этимологических словарей родственных языков, а также контактировавших с русским языком неродственных языков.

А.Е. Аникин не является новичком в области исторического языкознания с этимологической направленностью словарного характера: им подготовлено два региональных этимологических словаря для Сибири. Как своеобразное дополнение к словарю М. Фасмера должны рассматриваться его “Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков”,

который вышел в 1997 и 2000 гг., а также “Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири” (2003).

Теперь речь идет о создании капитального русского этимологического словаря, который должен заменить словарь М. Фасмера. Сам А.Е. Аникин, однако, скромно считает, что в начатом им словаре следует видеть лишь материалы “для полноценного этимологического словаря” (с. 9), выполнение которого предстоит в будущем. Во всяком случае, это будет следующая ступень после капитального словаря М. Фасмера.

Впечатляет значительный размах задуманного словаря. Если в словаре М. Фасмера буква А занимает 55 страниц, то в словаре А.Е. Аникина – 300 страниц, то есть объем увеличился почти в шесть раз, в пересчете на слова (~ 450 слов у М. Фасмера и ~ 1200 слов у А.Е. Аникина) – почти в три раза, что объясняется не столько добавлением нового материала, сколько в первую очередь обстоятельностью трактовки старого и возрастанием количества учтенной литературы, что в ряде случаев не спасает автора от некоторых пропусков, как это имело место при трактовке интересного восточносибирского монголизма *адали*, *адоли*, *одоли* и т.п. “точь-в-точь, словно, будто, ровно”, где не учтена обстоятельная статья венгерского монголиста Дь. Кары, посвященная специально рассмотрению распространения этого слова в языках Восточной Сибири, а также в сибирском пиджине¹.

Для варьирующегося слова с энантиосемией *алибавинка* “подкожное свиное сало с прослойками мяса” и *любавинка* “хорошее мясо без жира и сухожилий” в русских говорах Мордовии следовало бы привлечь весьма содержательную статью И.С. Козырева “К характеристике состава лексики древнерусского языка (либевыи/либивыи)”², где хорошо обосновывается старое чтение в грамоте митрополита Киприана 1378 г. к Сергию Радонежскому, которое, будучи не вполне понятным для современных исследователей, подменяется, например, в издании этой грамоты Г.М. Прохоровым необоснованной конъектурой [*х*]либивыхъ в его книге³.

Надо заметить, что подавляющее большинство слов с начальным *а*-представляет собой заимствования или слова со сложной фонетической и орфографической судьбой.

Словарь А.Е. Аникина смело включает арготическую лексику, которая в предшествующих словарях была представлена весьма скупо. Благодаря этому обстоятельству словарь лучше демонстрирует социологию русской лексики, которая активно перемешивается в составе различных стилей и социальных разновидностей языка.

При расширении общего объема словаря некоторые слова, рассматриваемые у М. Фасмера (например, на одной странице 61 русского издания: *агония*, *аграбат*, *аграф*, *Агрик*, *Агрика* и др.), в словаре А.Е. Аникина опущены, поскольку автор посчитал их неинтересными.

Обилие совершенно не затронутого этимологами нового материала и обилие не учтенных лексикографами этимологических решений де-

ляет словарь А.Е. Аникина уязвимым для критики в соответствии со степенью количества и новизны принятых в словаре решений.

Особенностью словаря А.Е. Аникина является внушительное обилие новых привлеченных для анализа источников и критическое источниковедческое отношение к ним, что мало практиковалось в предыдущих русских этимологических словарях: А.Е. Аникин уделяет гораздо большее внимание точности и аутентичности используемых лексических данных, благодаря чему в словарях преимущественно сводного характера им обнаруживается некоторое количество так называемых призрачных слов, которые возникли в результате ошибок при записи и прочтении малознакомых слов преимущественно диалектного характера или архаической лексики из памятников письменности.

Фиктивными могут оказаться как фонетический и особенно орфографический облик слова, так и его грамматическая и семантическая характеристика, а также его этимология, построенная на ошибочных данных.

Вероятно, справедливо подозрение Аникина, что зафиксированное в говорах (СРНГ 1, 300) *аютка* (у Аникина ударение показано неверно: на среднем слоге: *аю́тка*) как один из вариантов ласкового вопросительного отклика на обращение или при переспросе нерасслышанного типа *ая, аю, аюй, аюшка, аюшки, аинька, аиньки, аичка, аички* и т.п., скорее всего, представляет собою искажение (при записи или перепечатке) формы *аюшка* с начальным ударением.

В числе мнимых слов у Аникина фигурирует извлеченное из сводного академического “Словаря русских народных говоров” странное слово: *аонина* ‘ежевика’ – искажение акающей формы *ожина, ажина* в неразборчивом почерке; аналогичное недоразумение превратило название хищной птицы и омонимичное ему название монгольского происхождения для лучшего сорта зеленого чая *жулан* в диковинное *аулан*, что подано как два омонима с одинаковой судьбой по части искажения. На ошибочном написании или прочтении последней буквы основано слово-призрак *абыс* ‘обычай, покррой, образец’ – ошибочное прочтение акающей формы более известного *обык, абык* ‘обычай’. Но и самому А.Е. Аникину не удалось избежать анализа призрачных слов, принятых им за реальные, поскольку обилие материала все-таки не позволяет сильно углубляться в его источниковедческую оценку и последовательно проводить эту довольно трудную линию, которая пока не имеет твердых теоретических оснований.

Следует признать ошибочной всю статью о слове-гапаксе *ачира*, якобы со значением ‘холодное оружие (кинжал, ятаган)’ из документа 1660 г. “Памятников дипломатических сношений с империею Римскою” (т. III. СПб., 1854, 984): “*да около Цесаря шли протазанщиков и драбантов с ачирами человек со сто*”, которое фонетически не очень убедительно выводится А.Е. Аникиным из того же арабско-персидско-тюркского источника *ханджар*, из которого выводятся и рус. *кинжал*,

чингал и т.п. На самом же деле здесь речь идет об акающем написании монгольско-татарского слова *очир* (др.-тюрк. *vačir*) ‘жезл, скипетр’ санскритского происхождения (*vajra*), в связи с чем скорее устанавливается форма *ачир* мужского рода и семантика, отличающаяся от той, которую дает СлРЯ XI–XVII вв. 1, 59 [Впрочем, эта ошибка оперативно исправлена во втором выпуске, вышедшем в 2008 г.].

К числу таких призраков относится зафиксированное под вопросом у В.И. Даля слово “**АРЕГВА ? ж арх.-мез.** Артель промышленников”, помещенное А.Е. Аникиным уже без вопроса в “Русский этимологический словарь” как неясное слово с нерешительной отсылкой: ? “Ср. *арево*”, а последнее [со значениями ‘большое количество детей в семье’ (арханг.)] отсылает к *арава арова*, обозначающим какие-то большие группы людей (толпы, артели, ватаги и т.п.) и представленным также в вариантах: *арама, араба, арабия, орава* с производными. На самом же деле *арегва* представляет собой просто неправильное прочтение неразборчивого написания *арава*.

Надо сказать, что закрепившееся в русской орфографии написание *орава* (с начальным *о-*) должно рассматриваться как гиперкорректное в условиях русского литературного акающего произношения, поскольку в северновеликорусских окающих говорах представлено чаще произношение с начальным *а-*. В связи с этим и наличием необъяснимых вариантов надо сомневаться в исконной связи этого слова с глаголами I *орать* ‘пахать’ или II *орать* ‘кричать’ и предпринять поиски источника заимствования.

Представляет интерес наличие в “Алфавите, сказующем толкование иностранных речей, обретаемых во святых книгах русского языка, имущем начало от аза” XVII в. (Рукопись БАН, 33.9.1, л. 52) статьи “*Арава – вече*” (СлРЯ 2, 129), которой в изданном Л.С. Ковтун “Алфавите иностранных речей, иж[е] обретаются во с[вя]тых книгах словенского языка не предложены на русский языкъ” (ГПБ О.ХVI. 1, л. 10) соответствует, однако: “*арава* (ели) – *вечерь*⁴. Помета (ели) при *арава* в последнем источнике указывает, что слово воспринималось как эллиническое (то есть древнегреческое, в отличие от новогреческого, обозначавшегося пометой гр), но семантика слова *арава* уже была для переписчика азбуковника-алфавита неясной. Это еще одна загадка для слова *орава* ~ *арава*. Возможно, что сюда же относится олонекский и сибирский глагол *ароваться* ‘ругаться’, который Аникин считает этимологически неясным, не исключая загадочной опосредованной связи с *аргать* ‘рычать, ворчать (о собаке)’, а также с *арствовать* ‘насмехаться’.

В некоторых случаях даже весьма компетентные лингвисты-носители диалекта затрудняются давать точную дефиницию слова, как это имело место с эндемичным словом *армань* в говоре деревни Селино Дубенского района Тульской области, уроженец которой Ф.П. Филин сначала определил его как ‘опушка леса на высоком берегу реки’⁵, а затем как ‘березовый лес у реки’ (употребляется как собственное имя) в составленном им же 1-м выпуске СРНГ (276). Вероятно, здесь речь

идет о микропониме с неясной отнесенностью к объекту номинации в условиях стершейся метонимии.

В отдельных случаях источники, использованные А.Е. Аникиным, требуют перепроверки по их первоисточникам. Например, на основании двух словарных статей в сводном академическом диалектном словаре:

“**Акачество**, а, ср. Случай, неожиданность, непредвиденное затруднение. *Доведись на меня такая акачества. Во на его случилось якое акачества. Смол., Добровольский, 1914.*” (СРНГ 1, 225) и “**Окачество**, а, ср. Беспорядок, безобразие. *Ой, там много окачество было. Йонав. Лит. ССР, 1960.*” (СРНГ 23, 116), построена этимологическая статья:

“**Акачество** ‘случай, неожиданность’ смол., **окачество** ‘беспорядок, безобразие’ Литва (СРНГ 1, 225; 23, 116) // М. б., результат контаминации *оказия* и *качество*”.

Здесь суждение о контаминации можно оставить за пределами словаря. Более реальным выглядит предположение о том, что слово *акачество* является призрачным словом, которое возникло при неправильном отделении слова *качество* от предыдущего определения, оканчивающегося гласным, часть которого была отнесена к определяемому слову *качество*. Это вытекает уже из материала, представленного в СРНГ, причем следует учесть, что СРНГ сильно редактирует иллюстративный материал, как это видно из оригинала словаря В.Н. Добровольского: “**Акачества** – случай, неожиданность, непредвиденное затруднение. *Давядись на мене такая акачества. Во на яго злучилась якая акачества*” (Добровольский 6), где любопытно колебание слова между средним и женским родом, что исчезло в СРНГ.

На самом же деле мы имеем здесь случай употребления в областной речи слова *качество* для обозначения пороков, недостатков и даже преступлений, отмечаемое как в Европейской России, так и в Сибири неоконченным “Словарем русского языка, составленным Вторым отделением имп. Академии наук” (т. IV, вып. 3. СПб., 1909, 653):

“**Качество** – порокъ. *За нимъ неть никакихъ качествъ* – человекъ хорошій. Том. (Вербицкий В.И. Пятая сотня областных слов, употребляемых при-Алтайскими жителями // Томские губернские ведомости, 1863, № 26); *За ним водятся некоторыя качества.* Твер. (Преображенский В. Тверской областной словарь // Тверские губернские ведомости, 1860, № 24, неофиц. ч.); **К а ч е с т в о** – мошенничество. Дон (Мат. Георг. Стат. I, 417)”.

К этим материалам в (СРНГ 13, 144) из материалов архива Академии наук (фонд 197, Оп. 2, № 218: Н.Т. Соколов. Село Николаевка Николаевского уезда. 1912) добавлено: “*К а ч е с т в о* [удар.?). Что-либо дурное. *Этот человек хороший – не делал никаких качеств, а тот с качествами – его нельзя выбирать в старосты.* Николаев. Самар., 1912”.

Слово *качество* в значении ‘нечто отрицательное, порок’ в общих словарях, включая новейший “Большой академический словарь русского языка”, отсутствует, хотя встречается в литературе как языко-

вое средство характеристики среды или персонажа у В.Г. Короленко, Л. Мельшина (П.Ф. Якубовича) и Л.Н. Толстого:

“А только, какъ было слышно в городе, что на Соколине сделано качество, и вижу я теперь, что васъ одиннадцать человекъ, то я догадался” (*Короленко Вл.* Рассказы о бродягах. Рассказ первый. “Соколинец” (Из очерков сибирского туриста) // *Северный вестник*, 1885, № 4, 35).

“Работать он не умеетъ и не хочетъ и ... пойдетъ съ поселенія бродяжить, дорогою будетъ пойманъ съ какимъ-нибудь “качествомъ” (качество на арестантскомъ языке преступленіе)” (Мельшинъ Л. *Въ міре отверженныхъ*. СПб., 1896, 168).

В I действии комедии Л.Н. Толстого “Отъ ней все качества” проходной произносит реплику о водке: “Отъ ней все качества, значить, все катастрофы жизни от алкогольных напитков”.

Такое значение отмечается лишь в словаре к пьесам А.Н. Островского в пьесе (1858) “Не сошлись характерами” (II, 4): “качество – об отрицательных качествах: порок, недостаток. **Может, качества какие, есть? – Качеств за ним никаких не слышать**”⁶.

Большой академический “Словарь современного русского литературного языка” ни в этом издании, ни в переиздании под дезинформирующим просторечным названием “Большой академический словарь русского языка” не фиксирует этого встречающегося в литературе значения слова *качество*.

Впрочем, слово *качество* употребляется и для обозначения достоинств, положительных черт и действий, как это имело место у И.С. Тургенева (Встреча моя с Белинским), противопоставлявшего качества и недостатки: “*Белинский был именно тем, что мы бы решились назвать центральной натурой; то есть он всеми своими качествами и недостатками стоял близко к центру, к самой сути своего народа*”. Эта цитата иллюстрировала в ССРЛЯ (т. 5, 890) значение ‘тот или иной характерный признак, свойство, черта чего-либо и кого-либо (чаще о положительном признаке, свойстве)’. В переиздании ССРЛЯ (под названием “Большой академический словарь русского языка”, т. 7, М. – СПб., 2007, 722) указание на преимущественное употребление слова в положительном смысле было снято и определение получило смутное нейтральное толкование (‘признак, свойство, черта кого-, чего-л.’), а неудобная иллюстративная цитата из Тургенева была снята, но оставлена цитата из А.С. Грибоедова: “*Быть может, качеств ваших тьму, Любуясь им, вы придали ему*” с положительной семантикой слова *качество*. О положительной и отрицательной семантике слова *качество* можно узнать и из других источников.

В начале XX в. борец за культуру речи В. Долопчев требовал употреблять слово *качество* только в значении ‘достоинство’, одобряя употребление этого слова в выражениях: *У него есть недостатки, но и много качества. Скупость онъ считаетъ качествомъ*. Характерно примечание: “Въ народномъ языке, наоборотъ, каче-

ства въ дурномъ значеніи. За нимъ кажись, никакихъ качествъ не водится”⁷.

Любопытно, что производное от *качество* прилагательное *качественный* имеет сейчас значение только положительного качества, т.е. ‘хороший, доброкачественный, высококачественный’⁸.

В то же время можно вспомнить о контаминационном происхождении оставшихся для автора неясными олонецких глаголов *ажлибать*, *ажлотать* ‘есть, хлебать ложкой’, *ажлонуть* ‘проглотить’, алтайского *ажлануть* ‘быстро проглотить’, где слились общеупотребительные *хлепать*, *глотать* с диалектизмом поволжско-уральского распространения и арготическим *ашать* ‘есть, кушать’.

Загадочное *арепчик* ‘хрен’ из говора уральских казаков Аникин вслед за Ф.П. Филиным⁹ связывает с *репа*, считая здесь *а-* начальное вторичным, но есть подозрение, что за этим словом на самом деле скрывается неправильно прочитанная из неразборчивой записи лексикализованная диминутивная форма *хренчик*. Сейчас это подозрительное слово фигурирует в уральском словаре Н.М. Малечи на основании единственной фиксации: “**АРЕПЧИК**, арéпчик, -кь, – **хрен**. – Горчицей и арепчиком ибливали да меня лечили. Буд.”¹⁰

Загадка явно искаженного, по мнению А.Е. Аникина, слова *аццпак* [?] ‘толстая палка, дубина’ (Новооск. **Курск**. Кудрявцев, 1849)¹¹ (СРНГ 1, 298) раскрывается в СРНГ 25, 58, где читается: “**оцыпок** [...] Толстая палка, дубина. Новооск. **Курск.**, 1852”. Возможно и наличие другого источника: “**Оцупок**, пка, м. [удар.?). Обрубок дерева. *Дон.*, Попов, 1886”¹².

Аникин вполне оправданно отказался от своих этимологических соображений относительно коми-зырянского происхождения для позднего древнерусского редкого слова *амагиль* ‘фляжка на перевязи’ (1599) с вариантами *амагиль*, *омагиль* (также *магиль* ‘сумка, коробка или фляжка на перевязи для хранения оружейных припасов’) и сходными словами говоров Русского Севера и Сибири типа *магиль* ‘суконная сумочка с особыми отделениями для ниток, иглоков и др. рабочих принадлежностей портных и сапожников’, *могиль*, *магилочник*, *могилечек* и т. п. Эти слова остались неясными по происхождению, хотя имеется возможность объяснить их как старые бродячие слова. Все эти названия восходят, в конечном счете, к арабскому множественному числу *хамā’ил* существительного *химāла* ‘перевязь, портупья’ от корня *хмл* ‘носить’.

Сюда же относится встречающееся в западнорусской письменности XVI в. *гамалия* ‘патронташ’ и название молитвенника, богослужебной книги *хамаил* (то, что носится при себе; от того же арабского корня *хамала* ‘носить’) в белорусском языке литовских татар¹³.

К форме единственного числа *хамала(тун)* через ученую латынь (*amuletum*) восходят русская и другие европейские формы типа *амулет*. В огласовке начального слога *амулет* сохраняет додиссимиляционный гласный *а-*, аналогичный такому же гласному в европейском названии

города *Рабат* при арабском *Рибāt*: Ср. также библейское имя *Авраам* при арабском *Ибрагим*. На латинской почве арабское *хаммāла(тун)* подверглось паронимической аттракции и стало осмысляться как сращение латинских императива *amoli* ‘удали’ и существительного *lētum* ‘смерть’ → *amulētum*.

Имя деятеля *хаммāl* ‘носильщик, грузчик’ от того же корня *хмл* ‘носить, нести’ дало на русской почве через тюркское посредство название грузчика, носильщика *аммаль, амбал* с дальнейшим изменением значения. В освещении источника нынешнего просторечного слова *амбал* ‘здоровяк’ учтен только путь его распространения через русские говоры Кавказа и Поволжья, но не учтены многочисленные варианты названия грузчиков, носильщиков в переводной литературе, а также роль уголовного жаргона в быстром распространении слова во второй половине XX в. Что касается омонимичного ему имени *ясина Амбала* из летописи под 1175 г., то есть основание считать его не осетинским, вопреки распространенному мнению, разделяемому и Аникиным, а буртасским из Волжской Булгарии, поскольку буртасы были аланами¹⁴, а русско-поволжские связи того времени более вероятны, чем кавказские. Вероятно, к *амбал, аммаль* примыкает и оставшийся составителю неясным уральский диалектизм *амал* ‘нахал, хам’ – носитель грубой силы *амбал: сила есть – ума не надо*.

Пути движения в языки Западной и Восточной Европы производных от арабского корня *хамала* ‘носить’ требуют специальных дополнительных разысканий.

В терских диалектных междометных словах: *аманауру* ‘цыц, замолчи, не кричи’, *аманталов* ‘отвяжись, не приставай’, *аманцага* ‘замолчи, не говори ерунды’ первый компонент *аман-* почти убедительно отождествляется с карачаево-балкарским¹⁵ *аман* (в других тюркских языках *йаман-джаман*) ‘плохой, порочный’, а вторые – соответственно с *ауру* ‘болезнь, недуг’, *талау* ‘болезнь рожа’ и *сакау, сагау* ‘заика’, где вызывает возражение последнее, предполагающее отпадение последнего звука: на самом же деле здесь фигурирует дательный падеж личного местоимения *сагъа* ‘тебе’.

Однако дательный падеж от местоимения 2 лица ед. числа *сен* в карачаево-балкарском языке имеет форму *сенъе* в отличие от кумыкской *сагъа*. В пользу обращения к кумыкскому языку говорит и опущенная уточняющая территориальная помета *гребен.*, которая отсылает к публикации М.А. Караулова “Материалы для этнографии Терской области: Говор гребенских казаков”¹⁶.

Гребенские казаки больше имели дело с кумыками, в языке которых есть междометное слово *аман*, приравняемое к русским *эх!*, *ох!*, *ой!* и выражающее недовольство и досаду. Есть в нем также слова *авру* ‘болезнь, больной’ и омонимы *талав I* ‘злокачественная опухоль’ и *талав II* ‘грабеж, разграбление’, но прилагательное со значением ‘плохой, дурной’ звучит в нем с начальным *й-*: *яман*.

Взятое из СРНГ (1, 289) уральское *атан* ‘двугорбый верблюд (бактриан)’ едва ли имеет это значение, а, как и в казахском языке, означает ‘холощенный (рабочий) верблюд’. Это слово интересно тем, что писавший по-русски киргиз Ч.Т. Айтматов, зоотехник по образованию, употребил этот термин в романе “И дольше века длится день... (Буранный полустанок)” в значении ‘нехолощенный верблюд’ (по-казахски *бура*, кирг. *бооро*).

Следуя за ЭССЯ 29, 9–11, автор неправомерно присоединяет к *анука*, *опука* ‘самодельный мяч’ словенское название известняка, сланца *орока*, а также чешское и словацкое *орика* ‘глинистый известняк’, настоящее место которых при рус. *опока* из *оврока, *орока (ЭССЯ 28, 245–249).

При слове *алачуга* > *лачуга* в качестве аналогии отпадения начального гласного наряду с верным случаем *алафа* > *лафа* приведена ошибочная параллель тюрк. *alaša* → *лошадь*, устойчиво приводимая лексикологами вслед за наивными соображениями писателей XVIII в. (В.В. Тузов, А.П. Сумароков), где необъяснимо прибавление суффикса *-адь*: такой суффикс к заимствованиям не присоединяется. На самом же деле *лошадь* является нормальным производным от прилагательного *лоший* ‘плохой’ по отадъективной модели на *-адь*: первоначально *лошадь* как хозяйственное животное противопоставлялось боевому *коню* своими худшими качествами.

В случае принятия тюркской этимологии остается необъяснимым начальное ударение слова *лошадь*, которое, однако, характерно для отадъективных существительных с суффиксом *-адь*¹⁷.

Некоторые недоразумения возникают из-за игнорирования источниковедческого анализа использованного материала, как это имело место в статье: “**акшамет** ‘казацкая одежда’ (Фасмер 1, 66) // Согласно Фасмеру, “западное заимств.” из ср.-лат. *examitum*, см. *аксамит* (Там же); допускается также влияние тюркизма *беשמет* (Sadnik–Aitzetmüller 1, 15). Фасмер цитирует *акшамет* со ссылкой на Даля, но в Д. такого слова как будто нет” (136). Здесь не учтено, что М. Фасмер пользовался третьим изданием Толкового словаря В.И. Даля, куда его редактор И.А. Бодуэн де Куртенэ включил дополнительное слово: “[**Акшаметь**, м. казацкая одежда. Ак.]” из неоконченного “Словаря русского языка, составленного Вторым отделением имп. Академии наук” под редакцией Я.К. Грота (т. 1. СПб., 1895, 27): “**Акшаметь**, а, м. Казацкая одежда. ...*Дорогой ашкамет был на нем разорван*. Тар. Бульба”. Более точные сведения даны в незаконченном переиздании: “**Акшамет**, а, м. Устар. Казацкая одежда, бархатный кафтан. *Дорогой акшамет был на нем* (Тарасе) *разорван*. Гог. Тар. Бульба, V (ред. 1835 г.) – Ср. *аксамит*”¹⁸.

Слово из классической литературы оказалось сейчас проигнорированным нынешними даже большими академическими словарями и словарями редких слов, что затрудняет этимологические разыскания.

Следовало бы сюда присоединить также текстильные слова *адрас*, *адряс* ‘пестрая полушелковая ткань’ из живого языка и *ардаш*, *ордаса*, *урдаш* ‘самый плохой шемаханский и персидский шелк’ из памятников письменности, в которых также смешиваются свистящие и шипящие согласные *с* и *ш*. Ср. также *шелк* при *silke* в шведском и датском языках, но *šilkas* в литовском. Аналогичное колебание обнаруживается в *ашкорда* ~ *оскорда*, *шабля* ~ *сабля*; оно остается пока необъясненным.

В древнем грецизме *алавии* ‘род пальмы’ (греч. ἑλάτιη) и более новом *анфилопъ* ‘антилопа’ (греч. ἄνθλοψ) наблюдаем книжную подгонку под рейхлиново чтение ($\theta \rightarrow \phi$) с отталкиванием от латинской фонетики с *t* (*th*), что не учтено автором.

Не попало в словарь известное уже с конца 20-х гг. XX в. в нынешнем значении слово *абитуриент* ‘поступающий в высшее учебное заведение’ от неправильной латинской контаминации причастий настоящего времени *abiens* ‘уходящий’ и будущего времени *abiturus* ‘собирающийся уходить’. Первоначальное значение слова *абитуриент* ‘выпускник среднего учебного заведения, школы’ сейчас уже устарело¹⁹. При этом слове было бы полезно указать, что оно стало заменой для употреблявшегося в XIX в. другого латинизма – *футурус* или *футур*, которое зафиксировано только в новом “Словаре русского школьного жаргона XIX века” О.А. Анищенко (М., 2007, 292) и отсутствует в общих словарях, если не считать ошибкой загадочное *футурум* в академическом орфографическом словаре, оставленное без пояснений.

Оказалось пропущенным редкое прилагательное *антидилювиальный* ‘допотопный, старомодный, устарелый’, связанное с франц. *antediluvian*, англ. *antediluvian* и сближенное с прилагательным на *-альный*, и которое зафиксировано в текстах и словарях на рубеже XIX–XX вв.²⁰

При названии рода деревьев и кустарников семейства тутовых *анчар*, известном благодаря одноименному стихотворению А.С. Пушкина, стоило бы привести литературу о стихотворении “Анчар”, подробно рассматривающую судьбу названия и связанные с ним поэтические легенды, например: Долинин А.А. Из разысканий вокруг “Анчара”. Источники, параллели, истолкования // Пушкинская конференция в Стэнфорде 1999. Материалы и исследования (Материалы и исследования по истории культуры, вып. 7. М., 2001, 11–41).

Объясняя варьирование древнерусского названия священнослужителя у мусульман *афызъ* и *афаза*, А.Е. Аникин выводит первый вариант из тюркских форм типа ст.-тур. *hafyz* ‘человек, знающий наизусть весь Коран’, а второе – из *hafaza* (с малозаметной пометой *мн.*), причем первая форма возводится к арабскому *ḫāfiz* ‘человек, знающий наизусть весь Коран’ (букв. ‘хранитель’), к чему следовало бы добавить, что и форма *афаза* (в древнерусском источнике XVI в. она употреблена во множественном числе *афазы*) восходит, в конечном счете, к арабскому так называемому ломаному числу *хафаза*. В качестве аналогии современные словари иностранных слов фиксируют обычно только

во множественном числе слово *улемы* ‘мусульманские богословы и праведы в странах распространения ислама’ – мн. число ‘*уламā*’ при единственном ‘*āлим*, которое в народном языке отражено, преобразовавшись фонетически на тюркской почве, как *алым*, *алыма*, *алынь* ‘простофиля, разиня’. В последнем явно отражаются конфессиональные противостояния, объясняющие развитие противоположной семантики. Учитывая, что в кыпчакских тюркских языках чуждый им звук *ф* часто субституируется звуком *б*, к этому же гнезду следует отнести крымское *абаза* ‘бестолковый басурманин’, в этнонимическом происхождении которого справедливо сомневается А.Е. Аникин.

В статье, посвященные топониму *Арск* и этнониму *арские люди*, стоило бы добавить название области *Ару* у волжских булгар, упомянутое арабским путешественником и миссионером XII в. В этом же источнике среди народов Кавказа значится и название *арнаут*, которое совпадает с названием албанцев *арнауты*²¹. Но эти материалы требуют особого рассмотрения востоковедами.

При названиях инородческого сельского поселения *аул*, *аил* оказался неучтенным хакасский вариант *аал*, который зафиксирован, например, в переводной книге: Н. Доможаков. В далеком аале. М., 1974, 287.

При слове *аксиос* ‘достоин’ с ударным начальным слогом, которое поется в церкви при посвящении в сан, следовало бы добавить форму *аксиос* с конечным ударением во внецерковном употреблении, например, у А.К. Толстого в шуточных “Медицинских стихотворениях”:

А кофейнику потеха:
Руки в боки, кверху нос,
Надседается от смеха:
“Исполати! Аксиос!
Веселися, храбрый росс!”

Возникло это ударение из троекратного возгласия: “*Аксиос! Аксиос! Аксиос!*”, с продлением последнего слога в третьем возгласе, которое воспринималось как ударение. Связано с этим восклицанием *аксиосы* ‘волосы’, зафиксированное в 1816 г. в Галиче Ф.Н. Глинкой в списке офенских слов, но, не подтвержденное дальнейшими записями офенского языка, может подозреваться как слово семинарского происхождения, о чем говорит его употребление в речи духовного лица в романе Н.С. Лескова “Соборяне”.

При обсуждении этимологии этнического названия *алеуты* упоминается как возможно с ним связанный этноним *Aljutor*, но сам этот этноним *алюторы* почему-то не рассматривается.

Оставшаяся непонятной огласовка *-о-* в пензенском *абохча* ‘огород’ объясняется переходом слова *бахча* в парадигму с подвижным ударением и гиперкоррекцией по образцу *нога* [фонетически *нага*] – винит. падеж *ногу*, мн. число *ноги*. Ударение на основе в косвенных падежах было обобщено на всю парадигму, скорее всего, диалектологом и пере-

несено в именительный падеж. Ср. отмеченный А.Г. Преображенским в его родном севском говоре села Заулье переход слова *казна* в подвижную акцентологическую парадигму и форму винительного падежа *въ козну* (Преображенский I, 283). Возникновение огласовки *о* имеет аналогию в просторечном мн. числе *польта* от *пальто*.

К длинному ряду вариативных греческих названий драгоценного камня *акинтъ*, *акунтъ*, *якинфъ*, *иакинфъ* и т.п., совр. *гиацинт*, пришедших прямо из греческого, а также из латинского, следовало бы добавить *яхонт*, пришедшее из новых европейских языков (ср.-в.-нем. *jāchant*, польск. *jachant*).

К этимологическим материалам относительно слова *аргамак* стоило бы добавить, что оно отражено в названии *Громокля* правого притока реки Ингул (из *Аргамаклы*)²².

Едва ли можно согласиться с выведением прилагательного в сочетании *арменская икра* (1676 г.) ‘икра из овощей’ из названия солений *армея*, что сомнительно фонетически и семантически, хотя и возможно объяснить графически как замену похожей буквы *и* буквой *н*. Гораздо проще привлечь сюда зафиксированное В.И. Далем название баклажана: “*Армянские-огурцы*, растение *Solanum pseudocapsicum* или *S. ovigerum*, подлежане, паклажане, съедомый, сине-алый плодь; есть и белый, точное куриное яйцо” (Даль² I, 23).

Междометный галлицизм *атанде*, *атанда* (из франц. *attendez*) ‘подождите’) со значением ‘постой, погоди’ останавливающего характера автор рассматривает как источник жаргонного сигнала опасности *атас*, не останавливаясь на семантических и фонетических трудностях такой этимологии. Эти трудности преодолевает Н.И. Епишкин²³, выводящий *атас* из французского *attention!* ‘внимание!’, причем важно отметить, что в эпоху галломании XVIII–XIX вв. употреблялось и этимологически более близкое к французскому оригиналу латинизированное слово *ат(т)енция* ‘внимание, интерес, благосклонность’ в номинативной функции, также отмеченное Н.И. Епишкиным (с. 144), но отсутствующее в словарях.

Обсуждая этимологию русского грецизма *афедрон* (=греч. ἄφεδρον – название заднего прохода), Аникин не учитывает, что древнее значение этого слова в греческом было ‘отхожее место’, что еще помнили русские книжники XVII в.: в “Лексиконе” Памвы Берынды 1627 г. у слова *афедронъ* наряду с новым толкованием ‘задний проход’ дается также старое толкование ‘потребная коморка’ (л. тнз), а в Латинском лексиконе Епифания Славинецкого латинское *latrina* приравнивается “славянскому” *афедронъ* (л. 173 об.). Сдвиг значения имел место уже на греческой почве в понимании евангельского текста.

Для объяснения казанского диалектного наречия *алдыром* (*пить, хлебать*) ‘жадно, большими глотками, большой ложкой, ковшом’ А.Е. Аникин неуверенно привлекает только башкирский этнографизм *алдыр* ‘чаша (большая деревянная, для кумыса)’, хотя географически

более близкие слова есть в чувашском *алтър* (с озвонченными Д) ‘большой деревянный ковш, употребляемый при пивоварении; лоток, ссыпка, по которой зерно сыплется на жернов’ и в марийском (*алдыр* – стар. ‘большой ковш для разливания пива’ из чувашского).

Рассматривая названия денег и т. п. *акса, акся, акча, ахча*, проникшие в русские говоры из тюркских языков, и грецизм *аспра, аспр* ‘мелкая серебряная монета’ в памятниках русской письменности XVI – XVIII вв. (часто о турецких делах), А. Е. Аникин поддерживает обоснованное мнение о том, что тюркское название монеты *акча* (дословно ‘беловатый’ является калькой с греческого *ἄστρον* ‘белое’. Для серебряной монеты весьма естественным является ее наименование по белому цвету, что реализовано во многих языках разных регионов и что было подмечено наблюдательным путешественником уже в XV в. в связи с мингрельским названием монеты: «Однако раз уж я сказал, что “tetari” значит деньги, я не хочу оставлять недосказанным, что “tetari” собственно значит “белый” и в названии этого цвета подразумеваются серебряные деньги, по цвету белые. Греки и теперь еще говорят “аспр”, что значит “белый”, турки – “акча”, что также значит “белый”; джагатаи – “тенг” [? – И.Д.], равным образом означающее “белый”. В Венеции прежде делались – да делаются и поныне – деньги, называемые “bianchi”. В Испании до сих пор есть монеты, которые называются “bianchi”. Таким образом, мы видим, сколько наций, каждая на своем языке, как бы встречаются в названии одной и той же вещи одинаковым именем»²⁴.

В некоторых случаях недоразумения возникают из потребительского отношения к использованным источникам без их источниковедческого рассмотрения, как это имело место в словарной статье, посвященной московскому топониму *Арбат*, где арабскому *rabat* приписано часто повторяющееся в литературе значение ‘городской квартал, предместье’, на самом деле принадлежащее несколько похожему слову *ribād* (или в другом чтении *ribāz*), которое, кажется, за пределами арабского языка не имеет широкого распространения, особенно в тюркских языках.

Излишнее доверие к материалам книги Г.Ф. Ковалева “Этнос и имя” (Воронеж, 2003, 73) привело к тому, что А.С. Пушкину приписана польская этимология *harapnik* русского слова *аранник*, восходящая далее к немецкому *herab* ‘долгой’, которая на самом деле принадлежит Ф.И. Рейфу, упомянутому и А.С. Пушкиным.

При сибирских названиях источников целебной чистой воды *аржан, аршан*, употребляемых и в качестве микропонимов, указываются санскритские истоки этого слова, прошедшего через монгольское и тюркское посредство, но оставлено в стороне смелое их сближение географом Э.М. Мурзаевым с кавказскими минеральными водами *нарзан* и *арзни*²⁵.

Важным достоинством структуры нового словаря является наличие указателя русских слов, не начинающихся буквой *а-*, но привлеченных в качестве вариантов последних или важных для этимологизации слов

на букву *а*-, помещенных внутри словарных статей, к которым и сделаны отсылки из указателя. Последний придает первому выпуску словаря самодовлеющее значение и делает его более обозримым.

Относительное обилие замечаний к словарю А.Е. Аникина связано с богатством словаря и степенью новаторского подхода к нему. Но в целом словарь заслуживает весьма высокой положительной оценки.

Р.С. Уже после завершения данной рецензии автор смог ознакомиться со вторым выпуском словаря А.Е. Аникина (слова на букву *Б* до слова *бдынъ*), вышедшим в 2008 г. Богатый материал выпуска заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь же стоит отметить, что в этом выпуске уже есть дополнения и уточнения к первому выпуску, принадлежащие как автору, так и А.В. Дыбо, поданные отдельными списками (соответственно с. 320–324 и 324–327). Было бы более желательным эти дополнения объединить в единый список, но выделить дополнения А.В. Дыбо литерами в конце каждой отдельной статьи, а также включить материалы дополнений и уточнений в указатель слов, что сделало бы богатый материал “Русского этимологического словаря” более обозримым.

Примечания

- ¹ *Kara Gy. Adali// Varia eurasiatica: Festschrift für Professor András Róna-Tas. Szeged, 1991, 103–109; Перехвальская Е.В. Русские пиджины. СПб., 2008, 198–199, 202, 312.*
- ² *Исследование по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти академика В.В. Виноградова. М., 1974, 161–163.*
- ³ *“Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы”. Л., 1978.*
- ⁴ *Ковтун Л.С. Азбуковники XVI – XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989, 145.*
- ⁵ *Филин Ф.П. Об областном словаре русского языка // Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957.*
- ⁶ *Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. М., 1993, 84.*
- ⁷ *Долончев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909, 101.*
- ⁸ *Янко-Триницкая Н.А. Прилагательное качественное в русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 4. М., 1963, 66–75.*
- ⁹ *Филин Ф.П. О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М.; Л. 1966, 31.*
- ¹⁰ *Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х т. Т. I: А – Ж. Оренбург, 2002, 69.*
- ¹¹ *Вероятный источник: Кудрявцев Р.А. Этнографические сведения о Русско-Халанской волости Новооскольского уезда. 1849 (Рукопись 19, 1, 15 из Ученого архива бывш. Всесоюзного географического общества в С.-Петербурге).*
- ¹² *Попов Е. Особенности народного языка и областные слова Донского края // Донская газета, 1876, № 97, 99, 100. Эта ошибка уже выявлена: Журавлев А.Ф. Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И – К // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. I. М., 1998, 101–103.*

- ¹³ Булыка А.М. Лексичныя запазычанні у беларускай мове XIX–XVIII стст. Мінск, 1980, 71; Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графика-орфографическая система. Вильнюс, 1968, 17–18, 371, 396.
- ¹⁴ Быков В.Б. Русская фея. Смоленск, 1994, 19; Добродомов И.Г. Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993, 130–150.
- ¹⁵ Сокращенное написание языка *кбалк.* (*карачаево-балкарский*) в списке принятых сокращений языков и диалектов подменяется административным термином *кабардино-балкарский* с ошибочным добавлением *язык* (50), хотя такого языка не существует. Сокращение *комиП* раскрыто *коми-пермский язык* вместо правильного *коми-пермяцкий*.
- ¹⁶ Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 71, №7. СПб., 1902, 1–112. Ср. также: Караулов 1-й Н.А. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 37, отд. 3. Тифлис, 1907, 107–113.
- ¹⁷ Добродомов И.Г. Слово “лошадь” в этимологическом аспекте // Русский язык в школе. 1994. № 1.
- ¹⁸ Словарь русского языка. Т. I. Вып. 2. Новое издание. Л., 1933, 339.
- ¹⁹ Добродомов И.Г. Абитуриент // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV. М., 1963, 20–23; Стехин Ю.Н. Правильно ли мы употребляем слово *абитуриент* // Русский язык в школе. 1963. № 3, 32–35.
- ²⁰ Бельчиков Ю.А. Слово *антидилювиальный* у Л.Н. Толстого // Вопросы культуры речи. Вып. II. М., 1959, 227–230 = Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. М., 2001, 197–199.
- ²¹ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М., 1971, 31, 72, 102.
- ²² Горпинич В.О., Лобода В.В., Масенко Л.Т. Власні назви і відтопонімні утворення Інгуло-Бузького межиріччя. Київ, 1977, 155–156.
- ²³ Епишкин Н.И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка”. Чита. 1999, 142, 144.
- ²⁴ Барбаро и Контарини о России. Л., 1972, 129, 154.
- ²⁵ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, 53–54, 389–390.

Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: A–Й; Book 2: K–O. Octavia & Co. Press, 2007. 816 p.

Число этимологических лексиконов русского языка увеличилось с изданием в Канаде первых двух (из задуманных четырех) томов словаря, предпринятого Владимиром Эммануиловичем Орлом. К сожалению, это была его последняя лексикографическая работа: вскоре после выхода в свет этих томов В.Э. Орел скончался.

По своему объему новый словарь невелик: изданная его часть более чем в полтора раза уступает объему аналогичной части словаря Фасмера. Однако его нельзя относить к словарям “кратким”, если эту характерис-